

ТАМАРА ХОМЕНКО

кандидат социологических наук
Публикуется на сайте Стихи.ру

***

Овраги, ручьи и трясины
Да елок слоистая гарь.
Был лес, словно травник старинный,
В заставках - рябин киноварь.
И я эту книгу листала,
Вот только прочесть не смогла.
Все древних рецептов искала
Я противу всякого зла.
Где корень заветный, где колос,
Пока еще день не потух,
Чтоб был неизбывен мой голос,
Чтоб был неподкупен мой слух.
Тропинки хитры да не торны
Своей и чужой слепоты,
Неужто осыпались зерна?
Неужто завяли цветы?
Все дальше, все дальше, все дальше,
Сквозь мрак, бурелом, сухостой...
Где взять мне рецептов от фальши,

От фальши, своей и чужой?
Лес ведал все тайны, нескуден,
В писанье вершин и корней,
Но слог его был многотруден,
Родной, но неведомый мне.
...Я все начинала сначала
И вновь до вечерней зари
Искала, искала, искала
Забывшие корни свои.

***

Мурлычет чайник, точно сытый кот,
И печь воркует голубем утробно,
И на окне морозном огород
Запахнет мятно, клеверно, укропно.
И я, припав к промерзшему стеклу,
Увижу сквозь подтаявшие льдинки,
Как с неба тихо падают снежинки
И снеговик берется за метлу...
Мелькают в окнах тени поздних снов,
С берез слетают солнечные стружки,
Висят дома на ниточках дымов
Как елочные хрупкие игрушки.
Так бел весь свет и нет в нем места злу!..
Все впереди: ошибки, поединки...
И сыплет мама у ворот золу,
Чтоб мы не поскользнулись на тропинке.

***

На хрустком серебре - по голубому,
На хрустком серебре - по золотому -
На лыжах по пылающим снегам.
И воздух бирюзовый надо мною
Насыщен полнозвучной тишиною,
Как если б вдруг внезапно смолк орган.
Хандрил февраль, и небо было пресным,
И правильный мой мир неинтересным,
Но снега новый начали отсчет...
Сорвется иней с ветки занесенной -
Вязь летних красок - синей и зеленой -
На миг своей реальностью кольнет.
Но потому ль, что нет в лесу тропинок,
На лыжах легких, точно из снежинок,
Я тоже не такая, как всегда:
Я верую в очарованье сказки,

Гадаю вновь и вновь на «Снежной маске»,
Настурции и розы изо льда
Цветут... хмельное зазеркалье вьюги
Кого-то явит в свитре ли, в кольчуге,
И станут щеки странно горячи.
Присвистнет куст, гортанно каркнет елка,
И музыка, что так внезапно смолкла,
Взволнованно и веще зазвучит...

***

А лес глядел глазами грачьих гнезд,
Прозрачный, как ребенок после кори,
С ветвями так похожими на корни,
Был нов и неожиданно непрост,
И тонкой кожей чувствовали ветки,
Стряхнув зимы колючее стекло,
Шершавость солнца и текучесть ветра,
И пальцев человеческих тепло,
И вновь они дышали и росли,
Ловя в высоком напряженье почек,
Залетной стаи угловатый почерк,
И сдобный дух проснувшейся земли,
Что бунтовал уже под снегом талым.
И вдруг, как в сказке, грациозно, вскок,
Явился полдень молодым маралом
И о стволы чесал свой новый рог,
А в тех стволах, высоких и тугих,
Апрельские накапливало гуды
Сокодвиженья таинство и чудо,
И сбивчив был ручей, как первый стих.

КОЛОДЕЦ

Не у избы под золотистым боком,
Не в окруженье тоненьких осин -
Старик-колодец прямо на дороге
Шагнул, дивясь на скопища машин.
Обвитый желтым лютиком и мохом,
Дорожной пыли вовсе не боясь,
Стоял, встречая новую эпоху:
Навес дощатый - что ладонь у глаз.
Водители, сжимавшие баранку,
Облизывали пот с усталых губ:
Желаннее, чем скатерть самобранка,
Для них был неказистый этот сруб.

И резко тормозили у колодца...
Касались руки бережно ведра,
Чтоб воду пить с соломинками солнца,
Пить сердцем мудрость вечного добра,
Вкушать экстракт целебный всех веков
От жажды и для утоленья боли
И слышать звук набатный колоколен,
И тонкий звон серебряных подков,
И прозревать, как будто бы впервые,
Когда над срубом приподнял отец, -
Икон и рек цветущий голубец,
И образы защитников святые.
Останься, незатоптанный ордой!
Прогресса лихолетье не изведай! -
Седой колодец, может быть, последний,
С былинной древнерусскою водой.
О, саннадзор, нарушь порядок свой
И упаси от ваших норм и правил
Труды того, кто первый сруб поставил,
И альтруизм - глоток воды живой...
Она в меня желанной тайной льется,
И жжет, и тает медленно во рту...
России придорожные колодцы!
Спасибо вам за вашу чистоту.

ЛЕС

В сырой телогрейке тумана,
Полнеба в дорожной суме.
Не мстит за увечья и раны,
Но все же себе на уме.
Во чреве гудит лесопильня,
Завод целлюлозный впритык.
От веку такой он двужильный
Да темного нрава мужик.
Кори его иль умиляйся -
Он с нами не будет добрей,
В нем норы былых постояльцев -
Недолгих мужицких царей.
Чурбан стоеросовый, лапоть! -
Нас учит опять и опять
Слезами кровавыми плакать
Да старые сказки читать.

***

От рос и туманов светлее боры,
И сосны на вздыбившихся пригорках
Стоят, как медсестры военной поры
В добела застиранных гимнастерках.
Я в их медсанбат осторожно вхожу
В оврагах угадывать старые шрамы,
И плачу светло, как в коленях у мамы,
И взрослую память по детству вожу.
Корней изначальных настойчивый зов!..
Костер пионерский из бронзовых шишек!..
И мглистый черничник, и солнечный рыжик!..
И чистое эхо родных голосов...
Корней изначальных настойчивый зов!..
Читали о подвигах мы не по книжкам.
Где ваши трофеи, бывшие мальчишки,
Где ваших землянок еловый покров?
...Здесь пахнет грибами и горькой смолой,
А небо в хвоинках и в искорках ранних,
Как в сне заповедном девчонки-связной,
Приснившемся вдруг накануне заданья.
Как много их, выполнив сердца приказ,
В делянских снегах растворилось бесследно...
Но синее небо их снов заповедных,
Как Вечная память, над нами и в нас...
Мне снятся порой тех же сосен стволы,
Ручьи да хранящие тайны болота,
И то, как мокра телогрейка от пота,
И ноги в больших сапогах тяжелы...
Так близок (и это уже не кино!)
Рубеж, за которым (уймитесь, колени!)
Замедленный шаг ее, выдох последний,
А как было дальше, мне знать не дано...
И сосны не скажут... да что говорить!
Уж лучше вот так вспоминая былое,
Всем спящим под ними дарить янтари -
Слезу, что в народе зовут золотою.

***

Божественная книга облаков,
Как летопись неведомых веков,
Лелеем на космических крылах
Прошедшего и будущего взмах.
Титанов сон и мощи их предел
Нам явлены в античной лепке тел.

В сказанье героическом сокрыт
Всех мифов ключ, пророчеств и молитв.
Любовь, борьба, соитие и распад,
Причина, смысл, процесс и результат...
Момент-создатель зыбкою волной
Являет миру первообраз мой.
Кружению Вселенной в унисон
Гончарный круг: мгновенье-образ-сон...
Смотритесь в небо! – сагу без затей,
Симфонию рождений и смертей.
Загадки иллюзорной простота
Влечет нас, как последняя черта.
Когда б прочесть нам этой книги миг,
Тогда б не нужно было прочих книг.

***

Чтоб церковь не строить под склад и на слом,
Чтоб - чист водоем и леса запредельны,
Софию воздвигнувший в сердце своем,
Служи в ней во здравие ночью и денно.
И пусть будет слабым он, твой голосок,
Но ты не потерпишь торговли во храме,
Когда в нем святыни – зверье Пиросманни
И «Мальчик с собакой» Пабло Пикассо.

ВЕТЛА

Автострада - ада новый круг
Для душ сюда влетевших добровольно,
Лук с перенапряженной тетивой
От кратких встреч до вечности разлук.
И там, где в вечность времени стрела
Летит, не сокращая расстоянье, -
Как каждому свое воспоминанье, -
Ветла -

песнь веток,

листьев

и ствола...

Живой глоток на гибельном краю!
Быть может, это Дафна городская,
Бежав привычки, что натурой стала,
Здесь, наконец, познала суть свою,
Чтоб не жалея больше ни о чем
Стоять у раскаленного асфальта,
Как в дымке перламутровой – «сфумато» -

Струится у Мадонны за плечом,
Храня тот мир, где конь на борозде,
Звезда - к избе, а к травам льнут стрекозы,
Где зелено-серебряные косы
Стекаются к замедленной воде...
Но русло перепутала река
И сгнула. И вот еще обида:
Как здесь внезапно, как полузабыто
Над кроною клубятся облака!..
Когда-то нами виденные сны...
От пращуров дошедшее наследство...
И чтоб свершилось радостное действие,
Нам не хватает только тишины...
О, если бы дыханье затаить,
Они, быть может, нам окажут милость:
Все то, что с нами в жизни не случилось,
Помогут пережить и полюбить.
И люльку на скрипучих на вожжах,
И детства босоножество на росах,
В отроческой руке дорожный посох,
А на руке - зерно клюющий птах,
А там, где вдаль дороженька легла,
Храня следов бесчисленные были,
Стоит босая, смуглая от пыли
Ветла -

        песнь веток,

                        листьев

                                        и ствола...

Влюбленный в скорость! - заприметь ее! -
Внегласный знак дорожного движенья:
Праматери ли предостереженье?..
Или знаменье доброе твое?.. -
Она стоит как Дерево Дерев
И слушает шуршащие колеса,
Раскачиваясь так простоволосо,
Как будто причитает нараспев.

ДИМЕ

Ребенок мой, как быстро ты растешь!
Я за тобой взрослеть не успеваю.
И над тобой, как прежде «баю-баю»
И старой сказки избранная ложь.
Но ты растешь, и мне с тобой расти,

И не давать советов осторожных.
Ребенок мой, за то меня прости,
Что я не знаю истин непреложных.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Были боль начало,
Сказка - лих конец.
Во седой лощине
Бродит волк-вдовец.
После первой вьюги
Меток был отстрел.
Он один в округе
Чудом уцелел.
Мой старинный недруг,
Как с тобой мне быть?..
Если с волком в дружбе,
Знать, по-волчьи выть?
Если волк на воле -
Берегите клеть.
Волка не бояться
Значит: не жалеть.
В злобе - не воскреснуть,
В жали есть ли толк?
Хороша ли песня
Про волчка, сынок?..

ГЛАЗА

Не верю, что перлы природных соитий,
Ровесники-братья недолгого лба!
Но миру не надобно этих открытий,
Где фауна - мясо, а флора - хлеба.
Приемыши неба, питомцы пространства
В угодьях людей до погоста гостят.
За взор чужеродный на пире пиратства
Второго пришествия вам не простят.
За смелость ребенка и сбыточность шага
Над бездной, и скорбного зренья труд:
Зрачков черно-горьких соленая влага
Врачует, срывая коросту-кору.
Алмазные копи заоблачных штолен!
Но страшна старателям ваша сибирь!
О, сжальтесь, стихии! – он беден и болен,
Ваш хрупкий владыка, земной поводырь...

САПФО

Как объяснит блестящий ум
Рождение женщины-поэта?
Сапфо... Лишь раковины шум,
Лишь тень танагрской статуэтки.
Песнь сердца - чувства соль и варь,
Песнь розы - аромат и нежность.
Зачем тебе, *такой*, - в словарь?! -
Там эпитафии, там нежить,
Там мнимой жизни торжество,
Но что история без мифа?
Ты - маленькое божество,
Бежавшая от смерти нимфа.
Любови алчущий аэд,
Митилен, милых граций зала...
Лесбийских лезвий острый след
Слепая Лета зализала,
И той же отданы воде
Рукою писанные строки.
Так где ж Сапфо? – Сапфо везде,
Где возлелеян звук высокий,
Как душу полубивший дух,
Где сердца тайные пожары
Безумят арфы и кифары
В сквозном сапфическом саду,
Где облакает в песнь Орфей
Сфер гармоническое зданье...
Скажи, прелестное создание,
Зачем тебе, *такой*, - Нимфей?
Любовь и вечность на весах,
Глаза - фиалки иль маслины?
Поет приемыш Мнемосины
В хмельных сиринговых лесах.
Вошедшая в канон семи пиитов,
Дань словаря: «сапфической строфой...»
Но что за этой краткостью сокрыто?
Какой был стан, и локон был какой?
В чем твой исток, откуда песни сила?
Запутан, темен эолийский след...
Чего ждала, как пеплосы носила?
Ужели как и прочие, Поэт?
Обыденность как можно приручить
С барбитосом и лирою к союзу?

И как любить, какую жизнь прожить,
Чтоб в Вечности прослыть десятой Музой?..

«СКВОЗЬ ОСЕНИ КРИСТАЛЛ...»

***

Убывает октябрь. Это кроткое самосоженье:
Пахнет дымом под вечер, а утром древесной золой.
Перед новым витком замедляет природа движенье,
Праздник летних безумств искупая слезой золотой.
Медлят ночи и дни. В их замедленном действе несложно
От себя и округ уж не ждать никаких новостей.
Все идет чередом, только радость уже невозможна,
Как на празднике том, дорогих не сулящем гостей.
Значит, нужно себя приноровить неспешному бегу,
Но тоскует душа, не насытившись тем, что дано,
По зеленой траве и по иссиня-белому снегу,
По тому, что сбылось и чему еще быть суждено.
Что же это, зачем, мы, строптивые дети, не можем
Благодарно принять нам праматерью данный покой?
Почему мы себя болью птиц перелетных тревожим,
Упиваясь печалью, как любимейшей в книге строкой?
Для чего в лун-ущербную, лист-убиенную полночь
Я бываю ведома на призрачно-шаткий балкон?..
...Всхлип дерев - скрип телег,
Точно пишется прятная повесть
О великом кочевье скуластых племен.

***

Покружив у скрипучей калитки,
Ветер в травы прилег ничком.
По осине – оранжевой скрипке
Осень водит багряным смычком.
Мне иного не надобно хлеба.
Узнаванием взор веселя,
Синим маслом написано небо,
Акварелью и охрой - земля.
Неизменны ненастья приметы,
Но не стало еще в облака
Солнце рано ушедшего лета,
И деяний не чужда река.
В скани веток, ажурной и тонкой,
В затвердевшей смоле на сосне,
В подосиновике и опенке,
Что застыл в пируэте на пне, -

Праздник цвета и света недолгий...
Отпылает последний листок,
И рябина под дождиком колким
Так по-бабьи затянет платок.

***

Вернисажи в рощах, вернисажи...
Окон запотевших кисея.
Что ни день - то новые пейзажи
В неизменной раме бытия.
Паутина парками плетется
Золотой и нищенской поры,
В нашем старом садике под солнцем
Выбивают пыльные ковры.
В жесте ветки - Деревя Познанья
Неизбежно светел древний лик.
И сердца открыты в ожиданье
Снятых с полок судьбоносных книг,
Чтобы муку обратив в прозренье,
Возводить нерукотворный Град,
Чтобы не иссякли откровенья
Рукописей тех, что не горят.

***

...А в сердце все звенит, не умолкая,
Пронзительно-высокая струна:
Скользит в зенит и тает птичья стая.
Гляжу ей в след, стою в степи одна.
И мне вот так хотелось бы взлететь,
Чтоб небо на хрусталики дробили
Восторженно стремительные крылья,
И надвигалась солнца коловерть.
В луче осеннем догореть дотла
И с листопадом незаметно слиться,
Чтобы хоть раз я, грешная, смогла
В твоих глазах прекрасно отразиться.

***

Поманят, расступятся дали,
Стихи ли, картину ль пиши.
О, счастье осенней печали -
Наследие русской души.
Не знаю на каком наречье
Трубить они станут вдали -

Над этой замедленной речкой
По- русски кричат журавли.
И, плача скупыми слезами,
О чем-то по-русски скорбя,
Стоят золотые сезамы
Лесов, погруженных в себя.
Мне как сокровенная тайна
Откроется в трепете их
Высокая грусть Левитана
И Пушкина болдинский стих.
Шепчу вдохновенно и тихо
Знакомые с детства слова.
Как чьи-то прекрасные лики
На землю нисходит листва,
И легкой походкой сквозь озимь
Шагает Есенин Сергей...
Скликает российская осень
На пиршество знатных детей.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОНГАУ

Кто с папкой, кто с дорожною сумой
Стоим на остановке, точно в круге.
Автобус неизбежный «108»
Нас по утрам влечет во храм науки.
Маршрут - конечный пункт ДСХИ,
(Издавлек заметен старый корпус,
Вошедший невзначай в мои стихи...)
Ну вот, уже и полон наш автобус.
Студент, преподаватель, лаборант...
Кто там еще? ...в дверях опять заминка.
И первокурсник, и «лицензиат»
Стоят-сидят почти уже в обнимку.
И будущий ветврач, и агроном,
От монитора, от полей, от книжек,
Сильны старинным братством и родством,
Мы вместе все пока автобус движет.
Седой доцент и юный аспирант...
Отрывки лекций... чтение конспекта...
Книголюбивых чад, воспой вагант,
Донского агроуниверситета.
Товарищей по цеху опиши
И вольностей почтенные законы:
Живет и в нас частица той души,
Зажженной легендарною Сорбонной,

Пока лучом серебряной росы
Встречает нас еловая прохлада,
Пока звенят старинные часы
На башне персиановского града.

.....
Гармония стихии и ухода.
Фонтана чаша в радужной пыли.
Союзны здесь культура и природа.
Здесь помнят, что cultura - от земли.
В зеленом море утопают зданья,
Цветут на клумбах яркие цветы.
Здесь так легко учить о созиданье,
Творенье по законам красоты.
Она ведь за стеклом, в оконной раме:
Пейзаж до боли каждому знаком.
А создан он и вашими руками,
Талантом человека и умом.

.....
Ну что еще, какой тебе судьбы?
Опять везет автобус спозаранку
В угодыя персиков и «персиянок»,
Дубов столетних, елей голубых.
О, ивы южнорусских придорог!
Ваш нежный плющ, неуловимый бархат
Такой же, как в Голландии когда-то:
Вас мог придумать Брейгель или Босх...
Но, ивы, вы - аркада и портал
В преддверье удивительного мира,
Где так союзны книга, плуг и лира,
Учхоз, фонтан, теплица и спортзал.
Из Шахт идет автобус на Ростов,
А я обратно еду спозаранку
В угодыя персиков и «персиянок»,
К перстам акаций и глазам цветов.

***

Земля разливов да метелей,
Иванов да Емель!
Где на тростиночке-свирели
Играет ветер-Лель.
Здесь ветры, как тугие луки,
И молний-стрел гонцы.

В курганах спят Дажь-божьи внуки
И наши праотцы.
А над курганом небо близко,
Как будто Божий суд.
А на курганах обелиски
Растут, растут, растут.

***

Хлеб насущный беру со стола:
Карий мякиш - ну что в нем такого?
Я для рифмы пока не нашла
К слову «хлеб» равноценного слова,
Сокровенностью чтобы под стать:
Скажешь - столько в душе отзовется...
Только с небом его рифмовать
Иногда и...не всем удается.

***

По земле, по стенькиной земле
Май летит - казак навеселе.
Вырвал гребень из девичьих кос
Белокурых вишняков и лоз.
А за ним - по радуге в узде -
Эскадроны солнечных дождей.
В знойный воздух - сорок сороков -
Звоны луж - оброненных подков.
В этот миг летящих лепестков
Верится нам, верится легко,
Что земной отяжелевший плод,
Как задуман, так и упадет.
Сотворят сады златую вязь,
Яблоками-лунами светясь,
Будет в дынном соке детский рот,
Точно солнце в окоеме сот,
И стучать дубовым бочкам в дно
Будет пухляковское вино.
Верится в податливость строки,
В благо нам протянутой руки,
В то, чему названье лишь во сне...
Так живется только по весне,
В ранний час, когда в тугом седле
Май летит - казак навеселе.

* * *

Нет, я не Дафна! Лавр вечнозеленый,

Твое мне непонятно торжество.
Она бежала бога Аполлона,
А я бегу отсутствия его.
Чтоб не истлеть пожизненною смертью,
Уйду в иной, нерукотворный храм.
Искусство почитающие снадью,
Не стану сотрапезницею вам.
Добротны ваши храмы и святыни,
Но нерушимы - только на крови.
За нелюбовь - навеки и отныне
Я вам внушаю муку нелюбви.
Еще чуть-чуть, еще совсем немного...
Древесный кокон, лиственный наряд...
А знаешь, Дафна, дочь речного бога,
Что даже реки по ночам горят?
Горит в квартире за полночь окно,
И мне, представь, совсем не все равно,
Какой огонь и как меня сожжет,
И по какому ведомству зачтется
Все, что прочтется или не прочтется,
Или прочтется да наоборот.
Да, есть еще чудак почти немой,
О, как пристрастно он молчать умеет!
Он так своим молчаньем богатеет,
Как нищий подорожною сумой.
Ох, ордена молчальников монах
С сухими и горячими зрачками!
Он и огонь готов ловить руками,
Чтоб приручить костром на площадях!
Не вам судить кому и кто – не пара,
Но, обратясь к сожженному мосту,
Во имя вами свергнутой кифары
Я отвергаю вашу немоту.
Веселой не отмечена судьбой,
Скарб не считала, только сердце сжалось:
Все, что мое, я уношу с собой:
Я от себя бежать не собиралась.
И, уходя, назад не брошу взор:
За мною нет ни прошлого, ни брата,
Но в черных сотах маленького ада
Волнующий и терпкий медосбор.
Тому, кто много плачет и смеется,
Презрев урок молчания-гроша,
Затменное шагреневое солнце
Дает прибыль во казну «душа».

Теперь полнеба кроной обнимая,
Ветвями пой, неистовствуй, живи!..
И вторь: «Люблю грозу вначале мая...»
Таков итог любви и нелюбви.